
КОНТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

А.А. КОСОРУКОВ

РОССИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ, 2025–2030: ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В ближайшие два десятилетия Россия и весь мир вступят в период значительных трансформаций, которые изменят сложившийся баланс сил между великими державами. Однополярному мировому лидерству США на смену придет «концерт держав», состоящий из Китая, Индии, Бразилии, восстановившей свой потенциал России и др. Произойдет закрепление многополярного характера мировой системы. В этих условиях не только усилятся трения между государствами, перераспределяющими между собой основные ресурсы, но и обострятся вызовы и угрозы, проистекающие из нарастающей взаимозависимости мировой политики. Положение России в мировой политике будет определяться возрастающим влиянием глобализации, которая приводит ее к более турбулентному состоянию: 1) государствам придется учитывать превалирование факторов геоэкономики над геополитическими факторами [Maul, 2011] (увеличение влияния Китая, ЕС как прежде всего экономических держав); 2) проблематика международной безопасности будет все больше дополняться угрозами нового типа на локальном и международном уровнях (кибертерроризм, экологические проблемы, этноренессанс и др.); 3) увеличатся значение и интенсивность конфликтов между различными системами ценностей и идеологиями, особенно между сторонниками глобализации на основе демократии и прав человека и сторонниками идеологий радикального национализма и религиозного фундаментализма.

В связи с этим важно попытаться дать долгосрочный прогноз развития России в мировой политике в 2025–2030 гг., направленный на выработку своевременных рекомендаций политическому руководству страны в целях укрепления российских позиций в мире и недопущения негативного сценария ее развития.

В процессе разработки концептуальных рамок прогнозирования необходимо учитывать определенные сложности, характерные для современных исследований в данной области: сохраняющийся государственно-центричный подход в условиях развития глобализирующегося мира и появления новых акторов; нехватка комплексных и универсальных измерений экономического развития государств, а также его прогнозов на будущее; отсутствие общезначимых индикаторов научно-технологического, инновационного развития, а также недостаток общего знаменателя для их равного «взвешивания»; нехватка математической комплексности применяемого сценарного метода при точном подсчете точек перехода в развитии государства; недостаточный анализ культурных и медийных аспектов силы государства («мягкой» или «умной» ее разновидности).

Тем не менее различные государственные и негосударственные аналитические структуры выдвигают свои сценарии развития мировой политики к 2025–2030 гг.

Так, компания «Shell International» уже около 50 лет занимается разработкой экономических прогнозов развития на глобальном уровне, начав с прогнозирования роста цен на нефть в ходе арабо-израильской войны 1967 г. В ее докладе [The Shell Global Scenarios to 2025, 2005] долгосрочного развития бизнес-среды к 2025 г. ставится следующая трилемма будущего развития: 1) эффективность государства, понимаемая как рыночная инициативность, 2) безопасность, понимаемая как единство и контроль над средой, 3) социальная сплоченность и справедливость, понимаемая как способность сообщества разрешать будущие проблемы в глобализированном мире. Решение данных вопросов будет зависеть от способности государства оставаться основным актором международной системы. Оно будет вынуждено все больше конкурировать с экономикоцентризмом мировой политики и усилением роли мирового гражданского общества.

Выделенные «три мира» (государство, экономика и общество) взаимоисключают друг друга, испытывая на себе центральные тренды мирового развития. Если государство отвечает за решение вопросов безопасности, то экономика решает вопросы эффективности и пересечения государственных границ, а общество обеспечивает легитимность государственных и негосударственных акторов решать проблемы безопасности и экономического развития.

В зависимости от доминирования одного из «трех миров» во внешнеполитических курсах каждое государство может развиваться по одному из трех вероятных сценариев.

1. «Глобализация без доверия: стимулы и принуждение». Государство контролирует процессы глобализации, перемещение людей через границу, движение товаров и услуг, увеличивая свои функции и вторгаясь в сферу рыночного регулирования. Инвесторы через государственные институты контролируют рынок, что делает конкуренцию более жесткой.

2. «Открытые двери: инициативы и наведение мостов». Государство обеспечивает высокий уровень безопасности для развития общества и усиления частного сектора в государственной и мировой экономике. Это стимулирует процессы интеграции и глобализации экономик.

3. «Флаги: нации и мотивы». Государство концентрирует внимание на своих внутренних проблемах, изолируется от мирового сообщества. Усиливаются протекционистские меры в экономике, растут националистические настроения, глобализация ослабляется фрагментацией и «игрой с нулевой суммой» в мире.

Международный банк реконструкции и развития совместно с Всемирным банком разработали доклад [Global Development Horizons 2011, 2011] с целью прогнозирования глобальных долгосрочных экономических и политических трендов развития государств.

Согласно их оценкам, начиная со второго десятилетия XXI в. мировая экономика начнет обретать черты многополярности. Рост других держав приведет к утрате абсолютного доминирования США в мире. Развивающиеся страны будут являться обладателями около 75% иностранной валюты в мире, инвестиции в данные страны станут на порядок надежнее и выгоднее. Рост экономик развивающихся стран с 2011 по 2025 г. сделает геополитическую иерархию более равномерной и децентрализованной, что потребует

создания механизмов коллективного управления мировой экономикой, согласования интересов различных стран.

В пользу данного прогноза относительно 2025 г. говорит тот факт, что развивающиеся страны вышли из мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. с наиболее высокими темпами роста ВВП (Китай и Индия – около 10%), а согласно подсчетам МБРР и ВБ, шесть наиболее крупных развивающихся экономик мира (Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Республика Корея и Россия) к 2025 г. будут обеспечивать более половины прироста мирового ВВП.

Инновации и инновационные составляющие экономик развивающихся стран станут ключевыми звеньями их экономического роста и роста мировой экономики в ближайшие десятилетия. С 2000 г. Китай и Индия значительно увеличили свои инвестиции в НИОКР (1,4% от ВВП в Китае, 0,8% от ВВП в Индии). На территории Китая уже размещаются некоторые производственные мощности компании «Microsoft», в Индии большие надежды подают автомобиль Nano компании «Tata», в России активно развивается авиационная и космическая промышленность. Частные компании из развивающихся стран с 2003 г. инвестировали за рубеж в различные экономические проекты более 1,79 трлн. долл. в США, что изменило форму процесса индустриальной глобализации и будет продолжать ее изменять.

Вероятная конкуренция между основными центрами силы к 2025 г., вызванная усилением многополярности как в экономике, так и в политике, потребует создания коллективных механизмов разрешения противоречий, которые помогут избежать глобальной стратегической нестабильности. Ключевым вопросом данных механизмов будет укрепление доверия между странами «Большой семерки» и крупнейшими развивающимися странами, которые должны будут сконцентрировать свое внимание на проблемах создания нескольких мировых резервных валют, координации инвестиций, технологий и миграции рабочей силы.

Неправительственная «фабрика мысли» «Свободная мировая академия» опубликовала свой доклад [Global Trends 2030, 2011], посвященный будущим мировым трендам 2030 г., а также прогнозам по развитию отдельных стран в области внешней и оборонной политики, экономики, демографии и экологии.

Так, мир к 2030 г. будет разделен на три зоны: 1) глобализованная зона (51,5% мирового населения, 74,5% валового национального дохода) с растущим средним классом; 2) отстающая зона, в которой будет доминировать исламская культура (34,5% мирового населения, 3,5% валового национального дохода), характеризующаяся низкими доходами на душу населения, экономическим упадком и хаосом; 3) ослабевающая зона (Европейский союз и Южная Америка: 14% мирового населения и 22% валового национального дохода).

Ограниченная глобализация и политика сдерживания (против исламизма) будут доминирующими трендами в мире к 2030 г. Регион, протянувшийся от Юго-Восточной Азии через Ближний Восток к Западной Европе, будет испытывать давление растущего исламского населения, что может привести к социально-политическим потрясениям, в том числе в развитых странах Европы, где к 2030 г. в условиях демографического спада будут проживать около 150 млн. мусульман.

Хотя США сохраняют роль глобального лидера в обеспечении безопасности в мире, Китай, Индия и Россия будут вносить в нее значительный вклад. Данные страны будут испытывать трудности в приграничной с мусульманскими странами зоне. Общей платформой для объединения их усилий станет стремление отстоять светский характер политической системы и международных отношений.

США также сохраняют роль лидера в научно-образовательной и технологической сферах за счет способности привлекать научные кадры со всего мира, но усилится конкуренция с Китаем и Индией вследствие умножения экономического, инновационно-технологического и демографического потенциалов данных стран. По количеству специалистов технических специальностей данные страны опередают США, чему также будут способствовать многочисленные поездки китайских и индийских студентов для обучения в ведущие вузы США и Западной Европы.

Департамент национальной обороны и вооруженных сил Канады сформулировал свое видение мировой политики 2030 г. в докладе «Будущая среда безопасности 2008–2030» [The Future Security Environment 2008–2030, 2009]. Он разработан в 2009 г. с целью обеспечения лиц, принимающих решения в сфере нацио-

нальной обороны Канады, необходимой информацией о будущих геополитических, социоэкономических, экологических, технологических и военных трендах до 2030 г.

Программа данного исследования основана не только на изучении существующих и будущих трендов (до 2030 г.), но и на допущении возможности возникновения шоков и альтернативных сценариев. При этом понятие «вероятность» ранжируется на четыре степени – маловероятно, возможно, вероятно, наверняка.

Шоки, изменяющие траекторию развития того или иного тренда, могут быть вызваны технологическим прорывом, социально-политическим или военным событием, изменяющим стандартные образцы в данных областях мировой политики.

К экономическим и социальным трендам 2030 г. были отнесены следующие.

1. Хотя глобализация будет способствовать укреплению экономического благосостояния все большего количества стран, разрыв между богатыми и бедными странами будет углубляться и приводить к трениям и потенциальным конфликтам между развитыми и развивающимися странами.

2. Развитые государства будут искать дипломатические пути разрешения экономических конфликтов, хотя военные меры также будут допускаться.

3. Защита как континентальной, так и морской торговли будет оставаться одним из важнейших приоритетов Запада.

4. Благосостояние больших групп людей во многих странах будет дестабилизировано, что может привести к социальным протестам, региональным столкновениям, гуманитарным кризисам. Возможные конфликты потребуют применения всех возможных средств урегулирования.

5. Урбанизация будет продолжаться, что приведет к обострению социальных диспропорций между городом и деревней, особенно в развивающихся странах.

6. Нации должны быть готовы реагировать на последствия глобальных и региональных вспышек инфекционных заболеваний.

7. Для Центральной и Южной Африки, а также Центральной Азии будут характерны максимальная нестабильность и бедность, что потребует проведения гуманитарных миссий.

8. Религиозный экстремизм будет продолжать бросать вызов светской модели государственного управления.

9. Повышенный уровень безработицы среди молодого населения в развивающихся странах будет способствовать региональной и глобальной дестабилизации.

10. Стареющее население развитых стран вызовет дефицит кадров в экономике и военной сфере в условиях глобальной конкуренции за трудовые ресурсы.

Геополитические тренды 2030 г.

1. Многостороннее сотрудничество будет продолжено, хотя новые коалиции будут стремиться изменить инерцию традиционных международных институтов и организаций.

2. Эффективность ООН будет оставаться ограниченной, хотя ее роль останется высокой в разрешении гуманитарных кризисов.

3. НАТО сохранит свою ключевую роль в обеспечении безопасности в западных странах, хотя временные коалиции вне рамок НАТО могут взять на себя часть ее функций.

4. Европейский союз будет играть возрастающую роль в вопросах обеспечения европейской безопасности, все более сосредоточиваясь на вопросах внутренней, а не международной безопасности.

5. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии будет брать на себя ответственность за региональную безопасность, обеспечивая сотрудничество и диалог в данном регионе.

6. АТЭС будет выполнять в основном экономические функции, косвенно способствуя обеспечению более безопасной среды в регионе Тихого океана.

7. Африканский союз потенциально может стать площадкой для достижения мира, процветания и стабильности в Африке. Усиление его роли может снизить необходимость военного вмешательства в конфликте на континенте со стороны других государств.

8. Шанхайская организация сотрудничества потенциально может усилить напряженность между Западом и Востоком.

9. США сохраняют свое военное доминирование в мире, но их экономическое превосходство будет снижаться.

10. Экономическое, военное и дипломатическое возвышение Китая бросит вызов существующему в мире балансу сил. Китай станет региональной и, вероятно, глобальной державой, конкурирующей с США в западной части Тихого океана.

11. Индия укрепит свой военный потенциал, но будет значительно отставать от основных глобальных игроков.

12. Россия, стремясь быть глобальной державой, будет укреплять отношения с Европейским союзом и США в целях модернизации своей экономики и укрепления региональных позиций в Евразии. Россия до 2030 г. не будет идти на открытую конфронтацию с США и их союзниками.

13. Существующая среда безопасности в Латинской Америке будет подвергаться угрозам транснациональной преступности, партизанских атак, что может привести к ограниченному межгосударственному конфликту.

14. Страны Юго-Восточной Азии и Океании будут стремиться к экономическому прорыву в своем развитии, но будут подвергаться вызовам радикального исламизма. Австралия и Новая Зеландия будут стремиться балансировать среди региональных и глобальных гегемонов, но вызовы со стороны Китая сузят пространство для их геополитического маневра.

15. Ближний Восток будет оставаться конфликтным регионом, США сохраняют свое активное присутствие в регионе, если это будет в их национальных интересах. Афганистан будет по-прежнему нуждаться в международном присутствии сил безопасности, а Пакистан будет испытывать сложности с сохранением государственного контроля над всей территорией, а также кризис государственного управления.

К трендам в области обеспечения безопасности и развития вооружений 2030 г. были отнесены следующие.

1. Традиционным армиям придется налаживать сотрудничество с неправительственными организациями для лучшего реагирования на асимметричные угрозы, борьбы с незаконными вооруженными формированиями, преступностью, повстанцами и т.д.

2. Неправительственные акторы будут стремиться получить оружие массового поражения, использовать асимметричную тактику. Также их потенциал будет усилен дальнейшей коммерциализацией вооружений.

3. Борьба с терроризмом должна будет вестись политическими и правовыми средствами, но при необходимости – с привлечением военных сил.

4. Околоземное космическое пространство может быть милитаризовано, в том числе, с привлечением частных компаний.

Институт стратегических исследований Военного колледжа армии США [Gray, 2011] разработал свое видение вопросов национальной безопасности и военной стратегии в геостратегическом измерении.

Так, понятие «сила» рассматривается как один из наиболее спорных и динамично развивающихся концептов в политической науке и определяется как способность актора влиять на международные результаты на основе своих предпочтений или даже изменять поведение других с целью достижения данных результатов (Дж. Най). Различаются понятия «жесткой» и «мягкой» силы (экономико-военные и ценностно-культурные средства влияния). «Жесткая» сила и ее использование становятся все более трудными и затратными, в частности, благодаря распространению универсальных гуманитарных ценностей. Изменяющийся политический и другие контексты применения силы делают менее предсказуемыми возможности применения силы в следующем десятилетии. Возможности США по применению «мягкой» силы ограничены, их культурная дипломатия будет сталкиваться со все большим количеством оценок своих национальных интересов другими странами, имеющих особый культурный взгляд на локальном и национальном уровнях. Более того, «мягкая» сила не сможет жестко управляться из одного центра, для ее действия потребуется длительное время.

Институт стратегических исследований выдвинул основные предположения, касающиеся будущего мировой политики к 2030 г.

1. Военная сила станет менее используемым инструментом внешней политики. На глобальном уровне военная сила потеряет потенциал своей реализации, она станет относительно менее эффективным инструментом разрешения споров, сама война начнет носить иррегулярный характер.

2. Будущее носит нелинейный характер. Непродуктивно экстраполировать в будущее тенденции развития международных отношений первого десятилетия XXI в., так как их направление и содержание изменяются. Также меняются приоритеты национального и глобального развития, трансформируются вызовы и угрозы. Постепенно новым содержанием наполняется понятие «прогресс»,

которое также не несет в себе линейный и однозначно моральный характер.

3. Польза от применения военной силы все больше будет зависеть от культурного контекста. Стратегическая культура того или иного государства будет определять как набор, так и характер угроз, по отношению к которым государство будет пытаться выстраивать свои контрстратегии. Например, идеи нераспространения оружия массового поражения, контроля над вооружениями, иррегулярного конфликта, мира должны рассматриваться с учетом их культурного и государственного контекстов. Сама идея «полезности» силы зависит от условий, места и степени ее применения.

4. «Мягкая» сила будет основываться на опыте конфликтных отношений между государствами. Этика сотрудничества США и других стран будет нацелена на недопущение сползания государств в состояние «абсолютной войны» во всем мире.

5. Война может выступить в качестве «стратегической хирургии», проводящейся с политическими целями. Либеральные демократии практически не смогут использовать насильственные средства на легитимной основе, поэтому им придется рассчитывать на весь спектр возможных средств. Современный мировой порядок будет основываться на четырех измерениях: политический порядок, правовой порядок, социокультурный и моральный порядок, военно-стратегический порядок.

6. «Мягкая» сила изменяет наше представление о природе конфликта. «Мягкую» силу невозможно количественно подсчитать, она не является в строгом смысле слова одной из возможных больших стратегий. «Мягкая» сила часто основывается на переоценке влияния на мотивацию других стран, правительство не может в полной мере ею распоряжаться, она основывается на совокупности действия всего государства и общества на другие государства и общества. Ни «мягкая», ни «жесткая» сила не смогут применяться по отдельности, потребуются более взвешенный подход при использовании ресурсов страны во внешней политике («умная сила»).

Особенности мировой политики к 2025–2030 гг.

США к 2025–2030 гг. останутся главной державой, относительно которой будут выстраиваться все структуры безопасности в

Европе и Азии. Однако США перестанут обладать самой крупной экономикой в мире, так как в период с 2017 по 2030 г. их обгонит Китай, который станет крупнейшим национальным рынком и главным фактором поддержки глобального спроса. Быстро растущий средний класс и продолжающаяся урбанизация в Китае, Индии, Бразилии и других странах с большим населением будут поддерживать национальный спрос в течение длительного времени. Вместе с тем США сохраняют свое лидерство в области инноваций в экономике и развитии фундаментальной науки.

В ближайшие 20 лет неолиберальная идеология глобализации, строящаяся на основе рынка и демократических принципов (индивидуальные свободы, равенство, права человека), останется наиболее распространенной идейной системой в мире. Несмотря на это, Китай, усиливая свою экономическую роль, будет и дальше адаптировать свои национальные ценности (конфуцианство, «гармоничный регион») к глобальному идеологическому мейнстриму. Китай выступает осмотровательным союзником Запада в его противодействии агрессивному политическому исламу и религиозному экстремизму.

В течение ближайших 20 лет глобализация и информационная революция значительно увеличат роль «мягкой» силы. Особой чертой данного процесса станет влияние идей, культур, жизненных стилей, предлагающих наиболее привлекательный и безопасный способ защиты и реализации национальных интересов государства. Поскольку модель США, основанная на индивидуальной свободе, самовыражении и равных возможностях, продолжит доминировать, Европа будет стремиться доминировать средствами «мягкой» силы, а Китай уже занимается распространением своего языка, культуры, инфраструктурных проектов, создающих основу для пан-азиатской общности.

К 2025–2030 гг. в связи с ростом развивающихся стран изменится баланс сил в мире, усилятся требования к реформированию существующих глобальных институтов в сторону большего голоса незападных стран, обострятся отношения между США и такими перспективными региональными лидерами, как Китай, Россия, Бразилия, Иран, станут более равноправными отношения между США, Японией, Австралией, Индонезией, Мексикой, Великобританией, Польшей, которые будут играть более самостоятельную

роль в мировой политике, однако опираясь на особые отношения с Соединенными Штатами. Усилятся потребность в создании обновленных глобальных институтов, отражающих новый баланс сил в мире, а также трансформации международной среды, вызванной усилением негосударственных акторов (ТНК, этносы и религиозные группы, криминальные и террористические сети).

Россия в мировой политике 2025–2030 гг. будет характеризоваться активным участием в построении многополярного мира, двухвекторным сотрудничеством как с развивающимися, так и с развитыми странами и их региональными организациями, вероятным обострением отношений с США и Западной Европой, а также Японией, которые будут болезненно воспринимать усиление российского влияния в мире.

В основу используемой методологии прогнозирования положен сценарный метод [Schneider, Gleditsch, Carey, 2011], позволяющий на основе выделения основных трендов развития мировой политики, ее критических точек развития [Kissane, 2008] выделить несколько основных путей развития России. Далее будут рассмотрены инерционный, негативный и положительный сценарии.

Инерционный сценарий

Глобальная система сохраняется в рамках развития существующих тенденций. Государства контролируют процессы глобализации, перемещения через границы людей, товаров и услуг, увеличивая свои функции и вторгаясь в сферу рыночного регулирования. Инвесторы через государственные институты контролируют рынок, что делает конкуренцию более жесткой. Ни один из возможных кризисов не будет достаточно сильным, чтобы угрожать стабильности глобальной системы, даже при условии медленного прогресса в управлении. Борьба с кризисами происходит по мере их появления, временные глобальные институциональные механизмы разрабатываются для борьбы с наиболее угрожающими кризисами.

В России продолжится демографический спад до 120–130 млн. человек, что негативно отразится на процессе пополнения экономики необходимыми кадрами, потребует привлечения и ассимиляции населения из соседних стран; благодаря активному ис-

пользованию природных ресурсов Россия сможет стать 4–6-й экономикой мира, восстановить свой военный потенциал, бросив вызов развивающимся странам в отдельных областях науки и техники. Опираясь на возрастающую экономическую мощь и мировые центры инноваций, Россия продолжит стратегию модернизации экономики. Во внутригосударственной сфере в России продолжатся увеличение инновационного компонента в структуре экспорта, внедрение инноваций в экономике, поддержка социально ориентированной политики, образования и здравоохранения, усиление активности малого и среднего бизнеса, расширение среднего класса, совершенствование сферы государственных услуг и административных механизмов.

Войдя в первую пятерку экономик мира, Россия продолжит восстанавливать свою мощь, опираясь на третьи по величине запасы валютных резервов в мире, находясь на втором месте в мире по объему производства газа и нефтепродуктов. Россия продолжит использовать выгоды от добычи и продажи природных ресурсов в ущерб развитию других отраслей экономики. Будет происходить модернизация нефтегазового сектора экономики, постепенная эволюция системы управления в сторону верховенства закона. В других секторах экономики конкурентоспособность производства по сравнению с мировыми образцами останется ограниченной.

В основе сценария – последовательная реализация важнейших конкурентных преимуществ российской экономики. Предполагается, что наукоемкий сектор промышленности России будет в основном встраиваться в мировые технологические цепочки в качестве младшего зависимого партнера. Для сохранения высокотехнологичного кластера российской экономики будет реализован набор прорывных проектов в промышленности и проектов в области научных исследований, ориентированных на внешних контрагентов.

Укрепляя свою экономику и политическую систему, Россия будет стремиться расширить границы своего влияния как на европейском, так и на кавказско-среднеазиатском направлениях, что столкнет ее с другими великими державами. Слабой стороной России станет ее демографический потенциал, что снизит мобилизационный запас ее вооруженных сил, которые будут способны охранять ее позиции на территории бывшего СССР, но не в глобальном масштабе. Ее экономический потенциал будет в основном состоять из добычи и транспортировки природных ресурсов,

продажа которых обеспечит экономическую стабильность для сокращающегося населения, а также дипломатические возможности по отношению к странам-транзитерам и странам-потребителям.

Россия будет стремиться укрепить свои позиции в соседних странах, чтобы создать буфер, который предохранит ее от влияния других великих держав, а потом создать аналогичное пространство для самих стран буфера. Это будет происходить в условиях увеличения потенциала ее вооруженных сил, которые, однако, будут исповедовать оборонительную, а не наступательную стратегию. В перспективе Россия будет стремиться влиять на буферные страны других центров силы, чтобы предотвратить образование союзов и коалиций, направленных против России.

Так, на Кавказе Россия будет использовать союзнические отношения с Арменией для продвижения своих интересов и контроля над Северным Кавказом, тогда как США и Турция будут заинтересованы в дальнейшей поддержке Грузии и Азербайджана как стран, позволяющих балансировать и против России, и, в особенности, против Ирана. Азербайджан также будет использоваться США для создания буфера между Россией и Ираном, недопущения блокировки доступа этими странами к ресурсам Каспийского моря. В Средней Азии, несмотря на активное участие в возрождении своего промышленного потенциала, Россия не сможет вернуть позиции СССР, но будет стараться управлять китайской вовлеченностью в данный регион, чтобы компенсировать вовлеченность США.

На европейском направлении внешней политики Россия сможет значительно укрепить связи с Украиной и Белоруссией, опираясь на русскоязычное население и свои природные ресурсы. Эта политика также будет противодействовать расширению НАТО на Восток и укреплять позиции России на континенте, создав из Украины и Белоруссии своеобразный буфер. По отношению к Прибалтике Россия будет использовать тактику поддержки неправительственных пророссийских организаций, мобилизующих русскоязычное меньшинство на отстаивание интересов России.

Расходы на оборону составили к настоящему времени 3% от ВВП, уже превысив расходы Японии, Великобритании и Франции, и они продолжают расти. Впервые со времен окончания «холодной войны» российский военный экспорт в развивающиеся страны превысил военный экспорт в данные страны со стороны США.

Одним из рисков для России будет одностороннее развитие военных технологий и проведение затратных военных программ с целью контроля за своей обширной территорией и обеспечения безопасности в странах буфера, но при этом значительный прогресс в невоенных научно-технологических разработках будет отсутствовать. Вооруженная, богатая ресурсами, но все еще бедная экономически Россия будет окружена глобальными возможностями США и региональными возможностями Европейского союза и Китая.

К 2025–2030 гг. политическая система России сохранит стабильность и преемственность развития, государство продолжит вмешиваться в экономические процессы, особенно в энергетическом секторе. Успехи в укреплении верховенства закона и повышение уровня жизни большей части населения позволят сформировать значительный средний класс, который будет все активнее негодовать по поводу вмешательства государства в сферу общественной жизни. Будут развиваться различные сектора промышленности, которые будут сохранять черты неконкурентоспособности, вызванной отсутствием опыта реальной рыночной экономики и конкурентной борьбы, укреплением рубля и протекционистской позицией государства. Все это постепенно будет способствовать проведению рыночно ориентированных реформ. Те регионы государства, которые смогут получать больше выгод от эффективного рыночного управления, будут оспаривать необходимость значительного государственного регулирования, особенно в условиях неспособности государства урегулировать межэтнические конфликты.

Таким образом, Россия укрепит свою значимость и влияние в мире, опираясь на богатые природные ресурсы, но ее потенциал лидерства будет ограничен внутренними проблемами и конфликтами, демографическим кризисом, угрозами нестабильности со стороны радикального политического исламизма и региональной дестабилизации на Юге. Проблемы диверсификации российской экономики (Россию даже называют «северной Саудовской Аравией» [The Development, Concepts and Doctrine, 2007]) могут подорвать экономический рост, увеличить социальный разрыв между богатыми и бедными, усилить политические кризисы. Эта тенденция будет усилена сложностями со становлением самостоятельного российского среднего класса, гражданской ответственности, социально-экономической модели верховенства права.

Негативный сценарий

Негативный сценарий строится на основе допущения, что обострятся значимые для мировой политики вызовы и угрозы, которые ослабят позиции России в мировой политике.

Глобальная система в негативном сценарии будет находиться в состоянии раздробленности. Национальные правительства, работающие в условиях отсутствия стабильных международных правил, которые могли бы ответить на вызовы ресурсообеспеченности и ухудшения экологии, не смогут эффективно решать проблемы простых граждан. Медленные технологические трансформации и консервативное мышление замедлят инновационное развитие мировой экономики. Развивающиеся страны замедлятся в своем развитии.

Государства концентрируют внимание на своих внутренних проблемах, изолируются от мирового сообщества и борются за дефицитные ресурсы. Усиливаются протекционистские меры в экономике, растут националистические настроения, глобализация ослабляется фрагментацией и «игрой с нулевой суммой».

Мировая политика к 2030 г. будет менее стабильной вследствие наличия как минимум шести государств (США, Россия, Китай, Индия, Великобритания, Франция), обладающих полноценной триадой ядерного сдерживания, самодостаточной экономической системой и геополитическими амбициями. Тем не менее данную ситуацию нельзя сравнивать с Европой XIX в., так как в XXI в. уже сформировалась и функционирует как единый организм мировая экономика, поэтому взаимозависимость не позволит государствам начать войну.

Россия и блок НАТО (прежде всего, США, Великобритания и Франция) продолжат наращивать свои военные возможности на европейском континенте. Однако центром политико-военного противостояния станет Юго-Восточная Азия. Так, Китай отстаивает военную стратегию «ограниченной высокотехнологической и информационной войны», которая позволит ему не попасть под действие факторов глобального сдерживания, но даст возможность безболезненно решить свои региональные проблемы. Возможность подобной войны возрастает в условиях роста китайского спроса на энергоресурсы, который к 2025 г. вырастет до 15–20 млн. баррелей нефти в сутки. Япония также переживает упадок миролюбивой

доктрины Йошиды (последствия стремления Японии к «военной нормальности» после окончания Второй мировой войны) и стремится к большей военной самостоятельности перед лицом усиливающегося Китая. Индия стремится стать не только влиятельной азиатской державой, но и экономическим гигантом, конкурирующим с китайской экономической мощью. В геополитическом отношении Индия трансформирует концепцию отчужденности Неру в сторону занятия стратегического положения в Южной и Восточной Азии с активным вовлечением в мировую политику.

Углубляющиеся социальные противоречия (рост глобального среднего класса, его растущая стратификация, уменьшение количества бедных вместе с быстрым увеличением роста богатых в развивающихся странах) могут не только подорвать национальные социальные системы, но и привести к международным социальным проблемам (неконтролируемой миграции, демографическому кризису, межэтническим конфликтам и др.).

В результате в мировой политике конфликтность будет превалировать над сотрудничеством. Международная система становится неуправляемой, во многом из-за внутригосударственных проблем, особенно в развивающихся странах. Данный прогноз может быть скорректирован, если экономический рост Китая замедлится, обострятся социальные противоречия и проблемы, станет менее эффективной политическая система во главе с Коммунистической партией Китая (КПК). Однако ожидать смены режима в Китае в последующие десятилетия не следует. Хотя требования экономической модернизации будут оказывать реформирующее воздействие на политическую систему, экономический рост будет поддерживать существование КПК и дальше благодаря укреплению национализма, в частности, как это происходит в Японии. Националистические движения, подпитываемые надеждами среднего класса на улучшение их жизни, будут все менее эффективны. Усилятся противоречия между США и Китаем, между странами БРИКС вследствие борьбы за защиту ресурсов и рынков сбыта. Произойдет новый виток в развитии гонки вооружений на Ближнем Востоке, особенно в ядерной сфере, что может привести к неконтролируемому распространению ядерных технологий в мире.

Россию, являющуюся преимущественно развивающейся страной, в рамках негативного сценария 2025–2030 гг. ожидает

резкое снижение инвестиций в энергетическую сферу, быстро стареющая инфраструктура, снижение образовательного уровня населения и качества здравоохранения, недостаточное внимание к инновациям в науке и технике, а также в области современных финансовых услуг, усиление коррупции и преступности. Опасной для России представляется перспектива более раннего внедрения в мировую энергетику альтернативных источников энергии, которые обвалят цены на углеводороды и потребуют создания в России альтернативной энергетики, которая замедлит экономический рост вследствие ее финансовой затратности. В области мировой политики экономический спад может привести к формированию экономической модели зависимого развития, самоизоляции от основных центров инновации и интеграции, обострению проблем безопасности как со странами Запада, так и со странами Востока, затратное наращивание своих военных возможностей.

В случае сохранения высоких цен на энергоносители значительный спрос на них на мировых рынках не будет способствовать проведению долгосрочных реформ политических и экономических институтов, инвестированию в нефтегазовую инфраструктуру и сектор государственных услуг. Политический класс будет стремиться к обогащению, что обернется для экономики страны медленным ростом, низким уровнем инвестиций в инфраструктуру, оттоком капитала, увеличением коррупции и снижением конкурентоспособности отечественной промышленности.

К 2025 г. население России, вероятно, сократится до 110 млн. человек, шансы на предотвращение данного спада выглядят маловероятными, так как количество женщин 20-летнего возраста уменьшится почти вдвое. К 2017 г. в России будет примерно 650 тыс. 18-летних мужчин, а потребность вооруженных сил составит 750 тыс. Сокращение населения вызовет острую нехватку рабочей силы. Постепенно будет увеличиваться количество мусульманского населения (до 19%), а также мигрантов из Китая и Турции. Националистически настроенные граждане, идентифицирующие себя с православными славянами, будут стремиться к националистической реакции.

В отличие от Европы и Японии, в России будет вынужденно продолжена значительная поддержка государством нуждающихся слоев населения. Однако к 2025 г. международные финансовые институты, обеспокоенные потенциальным коллапсом ресурсной

российской экономики, будут стараться инвестировать в ее фонды, но безрезультатно. Государство не сможет проводить долгосрочные социальные проекты, благосостояние общества будет под угрозой дестабилизации и дальнейшей стратификации, значительно вырастет количество социально незащищенных слоев населения – пенсионеров, безработных и бедных. Частные компании будут оставаться неконкурентоспособными, низкопродуктивными и будут находиться в неблагоприятной экономической среде. В государстве обострятся межэтнические столкновения, конфликтность по линии «центр–периферия» с насильственными действиями. На международной арене Россия попытается восстановить свой великодержавный статус (доминирование геополитики над геоэкономикой), что обернется ухудшением отношений с соседями, приведет Россию к более изолированному состоянию.

Положительный сценарий

Положительный сценарий построен на основе максимизации конкурентных преимуществ России в мировой политике к 2025–2030 гг. и на благоприятном развитии международной среды.

Сотрудничая в рамках укрепляющейся глобальной системы, государства обеспечат себе более высокий уровень безопасности, усилят частный сектор экономики. Это послужит стимулом для процессов интеграции и глобализации государственных экономик [O'Brien, Keith, Prest, 2008]. Ограниченные в своих полномочиях правительства сохранят свою эффективность, а рыночные механизмы будут способствовать решению глобальных проблем. Информационные и коммуникационные технологии также будут способствовать дальнейшей интеграции рынков отдельных стран и людей в них, которые смогут более свободно перемещаться между государствами как виртуально, так и физически.

В положительном сценарии многостороннее управление становится основой управления глобальным уровнем мировой политической системы, в физическом мире отвечая на вызовы изменения климата и нехватки ресурсов, а в виртуальном мире – на вызовы управления Интернетом. Достигается относительная стабильность мировой политической системы, которая реагирует на вызовы времени, большинство людей признают, что их индивиду-

альные голоса и интересы их народов отражаются на глобальном уровне принятия решений.

Вероятные угрозы глобальной системе приведут к еще большей кооперации между странами для решения глобальных проблем. Постепенно сформируется стабильный «концерн великих держав», который станет основой глобального управления, способствующего преодолению экономических диспропорций в мировой экономике и выравниванию среднедушевого ВВП различных стран.

Высвободившиеся силы глобализации и экономической взаимозависимости будут подталкивать нации к сотрудничеству. Страны АСЕАН и Китай («гармоничный регион» Ху Цзиньтао) будут являться наглядным тому примером. Данный прогноз подкрепляется тем фактом, что в Азии с момента окончания войны во Вьетнаме не было крупного военного конфликта, а споры относительно будущего двух Корей и проблема Тайваня не переросли в вооруженный конфликт.

Этот сценарий предусматривает максимально полное использование всех потенциалов развития, которыми располагает Россия. В частности, частичная фрагментация глобального экономического пространства на систему взаимодействующих региональных макрорынков товаров и капитала будет способствовать становлению Евразийского союза как региональной формы проявления глобализации. Положительный сценарий предполагает локальное технологическое лидерство России через максимальное использование технологического потенциала российской экономики. Произойдет внедрение стратегии модернизации и реиндустриализации, основанной на технологической интеграции с мировыми центрами инноваций. Преимущество большого количества природных ресурсов переводится на финансирование инновационной реконструкции экономики.

Как показывает мировой опыт, это использование в полной мере может быть достигнуто только за счет грамотной опоры на «преимущества отсталости» – инициирование (в том числе в кооперации с зарубежными партнерами) серии «нишевых» высокотехнологических проектов в тех отраслях и сферах, где страны – технологические лидеры в силу тех или иных причин (структуры заделов, высоких технологических рисков и т.д.) не проявляют активности или не справляются.

Глубокие реформы управления государством политическим руководством и экономические реформы приведут к быстрому росту ВВП, увеличению реальных доходов населения и в целом будут способствовать росту качества жизни значительной части населения. Получит значительное развитие эффективное демократическое управление государством, будет улучшена прозрачность экономических и политических процессов, защищены права человека и усилена социальная подотчетность государства. Успешное лидерство в предшествующие годы заложит основы развития экономики с акцентом на социальное обеспечение и региональное развитие. Диверсификация экономики позволит демонстрировать высокий и устойчивый экономический рост, несмотря на снижение производства нефти, а постепенное снижение зависимости экономики от продажи природных ресурсов снизит вероятность энергетических шоков и повысит финансовую независимость регионов. Рост среднего класса станет основой сильного гражданского общества.

На международной арене Россия будет позиционировать себя как экономический центр Евразии и Центральной Азии, а ее международный вес позволит выступить сдерживающей Китай и США силой. Также Россия будет в большей степени заинтересована в сотрудничестве с ЕС и США, так как самоидентификация России как евро-тихоокеанической державы, части глобальной цивилизации, основанной на европейских ценностях, будет ее к этому подталкивать. Произойдет изменение стратегической природы российско-американских и китайско-американских отношений от ядерного устрашения в сторону сотрудничества в области нераспространения оружия массового поражения. Сотрудничество с США, ЕС, Китаем и Индией будет происходить на фоне противодействия агрессивному политическому исламу.

Будет принята двухвекторная экономическая стратегия на вооружение, нацеленная на интеграцию России как с Европой, так и с Азией [Стратегический глобальный прогноз, 2011]. Использование преимуществ расположения России и в Европе, и в Азии приведет к успешному созданию новой архитектуры безопасности и кооперации в Европе, а также в Азии.

Сбалансированность мировой политики, объединение усилий в борьбе с полным спектром глобальных и региональных угроз позволит разработать всесторонний подход к проблемам Ближнего

Востока и Центральной Азии, учету культурных, исторических, социальных, экономических и идеологических особенностей региона. Будет заложена основа международного сотрудничества, основанного на экологическом балансе, по вопросам освоения океанов, Арктики, Антарктиды и околоземного космического пространства.

Развитые и развивающиеся государства (Китай, Индия, Алжир, Нигерия, Бразилия) будут стремиться не только покорять космическое околоземное пространство, но и получать от этого экономическую (телекоммуникации, навигация и т.д.) и военную выгоду. Удешевление и доступность космических технологий делают освоение космоса более активным. Возродится былой интерес к космосу со стороны США, особенно к запуску космонавтов на Луну и Марс, что вызовет определенные споры по поводу юрисдикции, прав собственности на новые территории и ресурсы. Великие державы будут активно инвестировать в НИОКР в области космических технологий, однако милитаризация космоса, вероятно, будет отложена до 2030 г., когда будут разработаны соответствующие технологии. Возрастающее количество запускаемых космических аппаратов потребует согласованных усилий международного сообщества по регулированию околоземного космического трафика в целях снижения конфликтного потенциала в данном процессе.

Риски мировой политики 2025–2030 гг.

Данные сценарии могут быть подвергнуты серьезной корректировке в связи с флуктуационным и непредсказуемым характером мировой политики. Поэтому следует выделить те риски, которые могут серьезно изменить сами тренды мировой политики и повлиять на их направленность и продолжительность.

Вследствие смещения центра мировой экономики из Северо-Атлантического региона в Азию, а также частично в Латинскую Америку произойдет уменьшение относительной роли НАТО в мировой политике в качестве ключевой организации по обеспечению стабильности и безопасности, дав начало строительству новой архитектуры безопасности в Азии (малопредсказуемой трансформации глобального баланса сил).

Кризис Организации Объединенных Наций в результате неудачных попыток ее реформирования приведет к упадку ее авторитета и легитимности. Это вынудит государства формировать свои собственные союзы и блоки или действовать на основе своих собственных интересов.

Китайский экономический рост будет сопровождаться значительными демографическими изменениями, включая урбанизацию населения, которое будет значительно быстрее стареть, чем в других развивающихся странах. Данные факторы, включая изменение характера использования земельных участков, провал попытки достижения высоких жизненных стандартов, экологические катастрофы могут подорвать перспективы становления глобальной державы, повернуть ее развитие вспять – в сторону внутренних гражданских конфликтов. Возможный экономический кризис в Китае может привести к ужесточению его внешней политики и возрастанию конфликтности в регионе.

Разногласия государств по поводу дальнейшей политической и экономической интеграции снизят потенциал Европейского союза для реагирования на вызовы глобализации (глобальной экономической конкуренции, массовой миграции, терроризма, транснациональной преступности, изменения климата). Европейская стагнация и кризис интеграционной модели могут ослабить тренд регионализации в мировой политике.

Проблема войны и вооруженного противостояния останется актуальной, особенно в условиях распространения оружия массового поражения. Возрастание стратегического или даже блокового противостояния между великими державами может привести к военному столкновению, которое подстегнет гонку вооружений по всему миру (между США и Китаем, Индией и Пакистаном и др.).

Иран продолжит укреплять свою экономическую и военную мощь, основанную на природных ресурсах, стремясь быть региональным лидером. Опираясь на растущую молодежь, близость к транспортным артериям Персидского залива, Иран будет усиливать свои позиции через поддержку террористических и исламистских группировок. Ядерная программа Ирана будет продолжена, вероятно, в военном направлении. Молодое поколение, пользуясь плодами глобализации, будет все больше склоняться к трансформации политической системы Ирана, потенциально – к построению де-

мократии западного образца. Потенциальный конфликт Ирана и США может вовлечь в свою орбиту другие великие державы.

В результате продолжающихся локальных конфликтов и неурегулированности территориальных споров между государствами возрастет количество территорий, которые практически не будут контролироваться никаким правительством, в том числе некоторых городских кварталов в развивающихся странах (по типу бразильских фавел). Лишенные большого числа социальных благ, данные территории станут источником распространения транснациональной преступности и терроризма.

Большая часть мировой торговли, особенно энергоресурсами, осуществляется морским путем. В случае обострения проблем обеспечения безопасности в таких стратегических артериях мировой торговли, как Ормузский пролив, Суэцкий канал, Малаккский пролив, вызванных как пиратством, так и соперничеством государств, может начаться деградация мировой экономики. Решение данной проблемы требует более высокого уровня кооперации на море великих держав и рационального укрепления военно-морских сил.

Тренд демократизации государств может быть ослаблен к 2025–2030 гг. Традиционные модели управления в автократиях останутся стабильными. Вынужденный переход к демократии будет вызывать дестабилизацию и уязвимость государства (Ливия, Ирак), особенно если он будет сопровождаться демографическим взрывом, экологическими проблемами, нехваткой ресурсов и всесторонним экономическим кризисом.

Города могут начать вытеснять государства как центры мировой политики. Успешные городские центры, встроенные в глобальные сети, могут стать более автономными от государственных механизмов. Формирование городов-государств трансформирует всю международную систему, ставя под сомнение традиционный суверенитет и целостность национальных государств. Это потребует изменения всей системы международного права, что вызовет дестабилизацию международной среды. Микроправительство городской системы, его развитое гражданское общество будут постепенно брать на себя функции государства, оставляя за ним только главные – оборона, суды и законодательство.

Литература

- Global development horizons, 2011 – Multipolarity: The new global economy. – Washington, DC: The World Bank, 2011. – 159 p. – Mode of access: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/0,,contentMDK:22910761~menuPK:538203~pagePK:64165401~piPK:64165026~theSitePK:476883~isCURL:Y,00.html> (Дата посещения: 25.04.2012.)
- Global trends 2030. Free world academy, 2011. – Mode of access: <http://www.freeworldacademy.com/index.htm> (Дата посещения: 23.05.2012.)
- Gray C.S. Hard power and soft power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2011. – Mode of access: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=1059> (Дата посещения: 29.05.2012.)
- Kissane D. Forecasting the Storm: Power cycle theory and conflict in the major power system // EuroPOLIS. – Bucharest, 2008. – Vol. 3. – P. 10–43. – Mode of access: <http://works.bepress.com/dylankissane/23/> (Дата посещения: 20.05.2012.)
- Maull H.W. World Politics in Turbulence // Internationale Politik und Gesellschaft. – Berlin, 2011. – Vol. 1. – P. 11–25. – Mode of access: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1_03_a_maull.pdf (Дата посещения: 01.06.2012.)
- O'Brien R., Keith A., Prest M. The Future of the Global Economy to 2030. UK, Out-sight. 2008. – 16 p. – Mode of access: <http://www.outsights.co.uk/library/3/TheFutureoftheGlobalEconomyto2030> (Дата посещения: 05.06.2012.)
- Schneider G., Gleditsch N., Carey S. forecasting in international relations. One quest, three approaches // Conflict management and peace science. – N.Y., 2011. – Vol. 1. – P. 5–14. – Mode of access: <http://kops.ub.uni-konstanz.de/bitstream/handle/urn:nbn:de:bsz:352-opus-131584/Schneider.pdf?sequence=4> (Дата посещения: 25.05.2012.)
- The development, concepts and doctrine centre global strategic trends programme, 2007–2036 / UK's Ministry of defence. – 3rd ed. – 2007. – 91 p. – Mode of access: http://www.prisonplanet.com/articles/april2007/strat_trends_23jan07.pdf (Дата посещения: 03.06.2012.)
- The future security environment, 2008–2030. – Part 1: Current and emerging trends. – Ottawa: Chief of force development, 2010. – 157 p. – Mode of access: http://centreforforeignpolicystudies.dal.ca/pdf/CFD-The_Future_Security_Environment_2008-30.pdf (Дата посещения: 29.05.2012.)
- The Shell Global Scenarios to 2025. The future business environment: trends, trade-offs and choices. – L.: Shell, 2005. – Mode of access: http://www-static.shell.com/static/aboutshell/downloads/our_strategy/shell_global_scenarios/exsum_23052005.pdf (Дата посещения: 10.03.2012.)
- Стратегический глобальный прогноз, 2030 / Под ред. ак. А.А. Дынкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 56 с. – Режим доступа: <http://www.imemo.ru/en/publ/2011/forecasts/11001.pdf> (Дата посещения: 03.05.2012.)